

*Страна
нуждается
в усилиях
своих
граждан.*

Людмила Улицкая
60 параллель №4 (35), 2009

Марк Рац,

доктор геолого-
минералогических наук,
философ,
Иерусалим,
ratzm@netvision.net.il

Тема патриотизма в нашей стране издавна является важнейшей составляющей государственного дискурса, а в обществе вызывает нескончаемые дискуссии. При этом у нас нет ни понятия, ни типологии патриотизма (а патриотизм патриотизму – рознь). В результате дискуссии становятся бессодержательными. Но главное, это позволяет властям предрержащим манипулировать общественным мнением, а несогласных оставляет беззащитными

Патриотизм и политика

перед такими манипуляциями. Вот я и хочу сделать несколько шагов на путях к понятию и типологии патриотизма в расчёте на критическое обсуждение, в результате которого они только и могут сформироваться и войти в культуру. А для этого – различить и развесть сам по себе патриотизм и способы его употребления в политике. Оказывается, патриотизм можно трактовать так, что политикам он будет не по зубам...

Трактуемый, согласно словарному значению как любовь к родине, сам по себе патриотизм, наверное, подобно всякому проявлению любви, прекрасен и вызывает положительные ассоциации... пока в дело не вступают политики и идеологи. Они используют патриотизм в качестве средства и инструмента решения собственных задач. При этом патриотизм превращается просто в инструмент убийства, очень эффективный, как автомат Калашникова¹.

Политическое злоупотребление идеей патриотизма привело А. Шендеровича к мысли развести патриотизм с любовью к родине (там же), т.е., в сущности, оставив за собой право любить родину, отдать патриотизм на откуп казённым «патриотам». Опять сдаются российские интеллигенты? Нет уж, жирно будет! Поэтому я и хочу в отличие от Шендеровича, раз-

вести сам по себе патриотизм как наше общее достояние и способы его употребления в политике.

В принципе я против политики ничего не имею. Другое дело, во что мы сумели её превратить. По-моему, в жизни мы сталкиваемся больше не с политикой, а с её неизбежным двойником — политиканством: мы ещё вернёмся к этой паре. Если принять такое различие, то окажется, что в мирное время политикам обращение к патриотизму вовсе не нужно, а из инструмента в руках политиканов патриотизм можно и нужно превратить в инструмент борьбы общества с политиканством. Для этого нам и понадобятся соответствующее понятие и типология.

Подобные рассуждения кажутся совсем уж оторванными от жизни, в некотором смысле так оно и есть. Нет у нас пока общества как субъекта действия. Нет в реальной жизни ни политиков, ни политиканов в чистом виде, хотя здесь стоит вспомнить о классическом противопоставлении *idealpolitik* и *realpolitik*. Но если не слишком доверять средствам массовой

¹ Кабаков А.В. Плох, но необходим. // «Знамя», 2008, № 11: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/11/>. Далее я буду ещё не раз ссылаться на высказывания разных авторов о патриотизме, опубликованные в этом номере «Знамени», не повторяя каждый раз номер.

информации, в особенности, конечно, телевидению, а последовать известному завету И. Канта — «иметь мужество пользоваться собственным умом», то в итоге может случиться, что все эти абстракции приобретут самое прямое и непосредственное отношение к жизни. Ибо бытие определяет сознание в отсутствие мышления, а если и когда мышление появляется, оно оказывается важнейшим средством изменения бытия.

Важнейший вопрос, ответ на который определяет всю «философию патриотизма», это вопрос о том, как мыслить патриотизм: как врождённое естественное чувство (любовь к матери-родине) или как результат искусственного самоопределения по отноше-

Патриотизм и политика

нию к своей стране. Вопрос далеко не такой простой, как может показаться. Сама его постановка наводит на важное уточнение: патриотизм, больше, чем чувство — это некое отношение к своей родине.

Об этом писал когда-то М.М. Пришвин: «...только я сам, действительно близкий к грубой матери своей родины, могу преобразить её, поминутно спрашивая: “Тут не больно?”, и если слышу “больно”, ощупываю в другом месте свой путь»². (В этом смысле я бы рискнул сказать, что метафора родины-дочери может послужить полезным дополнением к классической родине-матери.) Не любовь, как таковая,

² Цит. по: Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. — М. 2001. — с. 170.

а деятельно-любное отношение, забота о своей стране, предполагающая активное и ответственное участие в её жизни. Если угодно, даже участие в политической жизни, потому что политика — это специальное средство увязки будущего с настоящим: мы проводим сегодня ту или иную политику в зависимости от того, каким хотим видеть завтрашний день своей страны. Вот это отношение вырабатывается или не вырабатывается в результате соответствующего самоопределения, а любовь — чувство, может быть, и естественное.

Фактически обе трактовки патриотизма — как природного чувства и культурного отношения к своей стране — давно известны, хотя обсуждаются обычно в другом повороте. Вот ещё один простенький вопрос: если моя страна начинает захватническую войну или вообще проводит политику, с которой я не согласен, так ли уж, будучи патриотом, я обязан её поддерживать? Альтернативные ответы на этот вопрос появились ещё в позапрошлом веке. Как сообщает русскоязычным читателям Д. Орешкин³, первый из них, данный бравым американским воякой без малого двести лет назад, сводит патриотизм к формуле: «моя страна может ошибаться, но это моя страна!» Позиция ясная, но следуя этой логике, можно прийти к неожиданным выводам. Спрашивается, например: Германия ошиблась, выбрав Гитлера и национал-социализм, но гитлеровские солдаты демонстрировали образец патриотизма и воевали во славу своей родины? Честно выполняли свой патриотический долг и эсэсовцы в Освенциме? Аналогично ГУЛАГовские палачи тоже были большие патриоты: это Россия ошиблась, отдавшись большевикам?

Конечно, Германия и Россия «ошиблись», но нельзя забывать, что за ошибками народов стоят человеческие ошибки, и здесь надо особо подчеркнуть: ошибки патриотов. Мне, однако, ближе патриоты другого типа, такие как эмигрировавшие Генрих и Томас Манны, Иван Бунин и Георгий Федотов или замученные патриотами из СС и НКВД Януш Корчак,

Николай Вавилов, Осип Мандельштам⁴. Поэтому я предлагаю взамен приведённой другую формулу (тоже из Америки XIX века): «моя страна может ошибаться, и я несу свою долю ответственности за эти ошибки». Такова, на мой взгляд, формула гражданского патриотизма в противоположность верноподданническому. А с гражданским патриотизмом власти предрекание ничего сделать не могут, поскольку его носители следуют упомянутому завету И. Канта и имеют мужество пользоваться собственным умом. Что означает, между прочим, способность и — как ни странно, наверное, не менее важную вещь — потребность критически анализировать идеи и действия власти.

Возвращаясь теперь к основному вопросу о патриотизме, я бы сказал, что представлять патриотизм как инстинкт или как результат рационального выбора — одинаково односторонние и ущемные точки зрения. Это как бы два полюса, между которыми находятся разумные позиции: одни люди более эмоциональные, другие склонны верить гармонии алгебры, но оба элемента необходимы. Для меня патриотизм, как и почти всё в нашей жизни, возникает на стыке чувства и мысли, «естественного» и «искусственного». Получается такое хитрое «искусственно-естественное» образование, «кентавр-система»⁵: осознанный, осмысленный, т.е. наделённый смыслом,

⁴ Нелишне пояснить, что я не уравниваю нацизм с большевизмом: нацисты и большевики руководствовались несопоставимыми идеалами, совершенно для меня неприемлемыми в первом случае и очень симпатичными во втором. Объединяло их только одно — не направление, а способ движения (не «что», а «как»): взятые на вооружение тоталитарные формы организации, античеловеческие методы и средства реализации избранных целей, хотя и достаточно разных. Между прочим, известное сходство эстетики, художественных языков было в этом смысле явлением очень симптоматичным. Но и в способах движения были принципиальные различия: гитлеровцы были относительно честны и действовали сообразно принятым ими, хотя и противоправным, законам; советская же система вся была построена на лжи и лицемерии, она была не противоправной, а внеправовой. (Отсюда и знаменитый призыв А. Солженицына «Жить не по лжи!»)

⁵ Тема «искусственного» и «естественного» требует специального обсуждения, и я надеюсь вернуться к ней на страницах журнала. Пока могу сослаться только на свою статью в сборнике «Философы России второй половины XX в.» (Щедровицкий Г.П. Философы России второй половины XX в. — М.: РОССПЭН, 2010.).

³ Орешкин Д. Добрый молодец как ответ англосаксам. Ежедневный журнал, 18.08.2009: <http://www.ej.ru/?a=note&id=9368>.

и артифицированный инстинкт (который тогда перестаёт быть инстинктом). Если угодно, окультуренное чувство, перерастающее в охарактеризованное выше отношение.

Классическое, но слишком часто забываемое нами «воспитание чувств» как раз об этом: окультуриванием, артификацией естественных чувств — не только патриотических — нужно специально («искусственно») заниматься.

Существенны здесь наши представления о родине. Я бы вспомнил тезис Вацлава Гавела, сформулированный им в давнем интервью Адаму Михнику. Он говорил, что понятие родины задаётся множеством разных идей: географической, исторической, культурной, национальной, конфессио-

нальной, хозяйственной и т.д. Выпячивание одной из них в ущерб другим, пояснял он, чревато для страны бедами. В pendant к Гавелу Ю.С. Степанов также отмечает, что попытки «связать» принципы государственности и принцип этнической чистоты ведут к кровопролитиям и войнам.

Что бы мы ни подразумевали под родной — страну-государство, свой край, город (в случае малой родины) и т.п. — это всегда будет «искусственно-естественное» образование. Если говорить для определённости о государстве, то, конечно, оно — продукт более или менее длительной истории, аккумулирующейся в национальной культуре, но тем не менее оно строится нашими руками. Хрестоматийные примеры ГДР и ФРГ, Северной и Южной Кореи на ошибки провидения не спишешь: история и культура одна и та же, а результаты государственного строительства достаточно контрастны.

Говоря о патриотизме и патриотическом воспитании, власти предрежащие исходят из представления о том, что есть единственный способ любить свою родину, тот именно, который они — не уверен, что практикуют — считают правильным. Быть патриотом в их понимании означает любить не только (а по факту и не столько) свою страну, родину, сколько государство, причём — и это определяющий момент! — как некую данность, даже святыню. Таков государственный патриотизм, другой своей стороной обращаясь, повторю, в па-

Патриотизм и политика

триотизм подданных или верноподданных. Именно в таких представлениях воспитывались и жили поколения советских людей, и в этом отношении у нас мало что изменилось. Именно эти представления ежедневно и ежечасно навязываются публике СМИ.

Претензия на монополию в понимании патриотизма — вот характерная и определяющая черта его верноподданнической интерпретации. Один из моих идейных противников в этом вопросе — А.С. Ципко — настаивая на государственной трактовке патриотизма, пишет (в «Независимой газете» 03.02.2009 г.) очень выразительно: «Понятие “патриотизм” теряет силу, когда одновременно в одной и той же стране в него вкладывается совершенно различный гуманитарный и моральный смысл. Оказывается, люди, которые называют себя патриотами, не только по-разному оценивают своё историческое прошлое, по-разному понимают смысл и русских побед, и русского величия, но и по-иному видят наше российское будущее». Короче говоря, патриотом может считаться только тот, кто оценивает своё историческое прошлое, понимает смысл и русских побед, и русского величия, видит наше российское будущее так, как это считает правильным и патриотичным А.С. Ципко. Как потом заметил в той же газете (21.04.2009) К.В. Ремчуков: «Родину все любят, а режим не все. И те, кто у власти, всегда норовят своих политических противников выдать за “врагов народа” и “предателей Родины”». (Отсюда, заметим, и коллизии последних лет по поводу «фальсификации истории».)

Действительно, хорошо живётся нашим патриотам-монополистам, патриотам-судьям: рамку права в политике им заменяет рамка государственного патриотизма. В точности антикантовская позиция: зачем перегружать свой ум и самому мучиться, когда есть признанная властью позиция?! В том-то и состоит трудно преодолимая притягательность власти: она развязывает нам руки, освобождает от мучительной работы самоопределения и связанной с нею ответственности. Как заметил М. Бахтин, мы обретаем уверенность, когда действуем не от себя лично, а «от имени» внеположных идей, когда «...путь от посылки к выводу совершается свято и безгрешно, ибо на этом

пути меня самого нет...» Множество проблем «решается» при этом автоматически.

Получается всё же, что патриотизм можно трактовать по-разному, и государственная его интерпретация — лишь одна из возможностей, выбор из которых есть первое дело в патриотическом самоопределении граждан страны (которые среди прочего могут мыслить себя и подданными: это личное дело каждого).

Здесь приходится учитывать ещё одно важное обстоятельство. Одно дело, если я активно участвую в государственном строительстве (причём в данном случае всё равно, идёт ли речь о государстве-стране или о государственной машине): эмоциональное отношение к своей работе и плодам собственного труда естественно. Любовь к своей земле связана с тем, что в ответ на вложенный в неё труд, она нас кормит; построенный (или просто хорошо протопленный) дом греет, а государство в лице, например, парламентария, за которого я голосовал, защищает мои интересы. Совсем другое дело, если в парламенте нет «моего» депутата, и вообще государство мне «дано» свыше (а проще — сверху); я для него не субъект, а объект, «винтик»; разговаривать со мной оно не хочет, и, главное, у меня нет средств как-либо на него повлиять. Чем будет подогреваться мой патриотизм, откуда возьмётся у меня любовно-заботливое отношение к чуждой (другие подходящие характеристики читатель может подобрать по вкусу) бюрократической машине?!

Исповедуя гражданский патриотизм, я попадаю в культурную традицию и компанию, которая меня вполне устраивает, начиная, если не лезть глубоко в историю, с Пушкина и Лермонтова, Чаадаева и Герцена. И я вполне солидарен с К. Ремчуковым, добавившим к знаменитым словам Чаадаева («Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с замкнутыми устами»): «России срочно требуются единомышленники Петра Чаадаева». Разумеется, и верноподданные патриоты (если я правильно помню Г. Манна, производившие пшифак с портретом кайзера Вильгельма) никуда не денутся: просто благо отечества они понимают иначе, чем единомышленники Чаадаева (эти могут и антиправитель-

ственные материалы печатать), кардинально разные у них политические позиции.

Из всего этого следует принципиальный для меня вывод. Патриотизм — не политическая позиция, а отношение (нужно добавить, нормальное отношение: как нормальна забота о своих родителях и детях) к своей стране, родине, порождающее широкий спектр различных политических позиций. Патриот может быть с равным успехом и либералом, и коммунистом, и фашистом. Оценке подлежит не патриотизм, а содержание политической позиции. Собственно, политическая деятельность и вырастает из заботы о будущем своей страны, только видится оно сторонникам разных позиций по-разному. В XXI веке и в мирное время нет и не может быть никакой «объединяю-

щей патриотической идеологии». Такая идея хороша во время войны (которая есть продолжение политики другими средствами, т.е. не политика), а в мирное время может прийти в голову только на полном идеологическом безрыбье. Не в связи ли с этим у нас так усиленно культивируется образ врага? Наличие врага, исходящая от него смертельная опасность оправдывают политизацию патриотизма.

Но пока в Конституции есть статья 13 (п. 2: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»), об объединяющей патриотической идеологии — в отличие от патриотического отношения к своей стране — пора бы забыть. Ну, либо, как вариант, прямо признать слова «нас вырастил Сталин на верность народу» — не элементом архитектурного декора, восстановленным в московском метро⁶, а руководством к действию. Что, как мы помним, недвусмысленно означает: конституции пишутся для заграницы, а в доме есть Хозяин, который о правильном понимании конституций, гимнов и патриотизма сумеет позаботиться, не говоря уж о верности народа. Только не стоило бы забывать, что, по точному слову А. Дмитриева, «все наши беды вышли из сталинской шинели» («Знамя»).

Вместе с тем, конечно, записывать в патриоты всех без исключения граждан своей страны тоже было бы прекраснодушием. Во-первых, некоторые из них, в силу разных обстоятельств, могут свою страну невзлюбить, а то и возненавидеть. Бывает такое даже между детьми и родителями. Но это всё же аномалия, с которой надо разбираться в каждом отдельном случае, а не политизировать её, превращать в жупел и строить образ врага. По этому поводу наш исторический опыт даже избыточен.

Во-вторых, не следует забывать и обычную житейскую коллизию: противоречие интересов — своих собственных и города, общества, страны, одним словом, общества, к которому ты принадлежишь, и относительно которого можно говорить о патриотизме. Можно быть сто раз патриотом, но своя рубашка ближе к телу.

Патриотизм и политика

⁶ http://www.ng.ru/politics/2009-08-28/3_photo.html; <http://www.polit.ru/author/2009/09/02/stalin.html>

Я вижу здесь место не столько для теорий, сколько для политической и управленческой мысли: почему бы не направить эту мысль на такую организацию жизни, которая стимулировала бы общественно полезную деятельность? На этот раз, правда, приходится напоминать не об отечественном, а о западном опыте, который многообразен, как по содержанию (сюда, в частности, относятся все формы «демократии участия»), так и по знаку (положительно-му и отрицательному).

***

...Однако, нужно, наконец, объяснить, как различаются политика и политиканство, и что я имел в виду, говоря, что патриотизм (в его гражданской трактовке) политикам не нужен, а в необходимой борьбе общества с политиканством даже может помочь.

Политиками могут быть граждане, реально озабоченные будущим своей страны, т.е. прежде всего имеющие картину её желательного состояния завтра и нацеленные на соответствующую политику сегодня. И — что не менее важно — исходящих из признания других точек зрения, с которыми, может, и надо бороться, но которые при этом не только равноправны и рядоположны с их собственными, но ещё необходимы и полезны. Потому, между прочим, что позволяют скорректировать собственную позицию, а тем самым оберегают от неизбежных ошибок. В этом плане политическая оппозиция выступает как автоматически работающая система обеспечения безопасности.

В отличие от политиков политиканы озабочены не столько будущим своей страны, сколько своим собственным: главное для них — сохранить власть, а всё прочее — больше предмет разговоров. Иные точки зрения, касающиеся страны, создают для них всего лишь ненужную конкуренцию, помехи, которые, если и невозможно (или нет нужды) уничтожить, то надо по возможности свести на нет. Потому что они мешают проводить в жизнь их правильную политическую линию. Это, кстати, важнейший диагностический признак политиканства: любая политическая линия правильна для одних и неправильна для других политических субъектов.

Если так, понятно, что политик не будет апеллировать к патриотическим чувствам граждан, потому что понимает: у его политических противников на это ровно те же основания и права, никаких преимуществ апелляция к патриотизму ему не даст. К тому же чужая любовь — интимная сфера, куда лезть со стороны в приличном обществе не принято. У политиканов таких ограничений нет, они всегда и первым делом апеллируют к патриотизму. И если при этом общество воспитано и живёт в идеологии государственного/верноподданнического патриотизма, то наступает полный консенсус, тишь, гладь, божья благодать и высочайший рейтинг властей предрежащих в придачу. Но если в обществе господствует критическое мышление (à la И. Кант) и гражданский патриотизм, то для него (общества) апелляция к патриотизму в мирное время будет первым симптомом политиканства, которое, если мы озабочены будущим своей страны, следует сводить к минимуму. Поскольку избавиться от него вообще, как скажем, и от коррупции, невозможно.

В заключение — о воспитании чувств. У нас много внимания уделяется военно-патриотическому воспитанию молодёжи, но за отсутствием военных угроз и обилием проблем в мирной жизни я считаю более актуальной тему мирно-патриотического воспитания. (Показательно, что сама эта принадлежащая Д.Б. Дондурею⁷ идея так и не стала предметом серьёзного обсуждения.) В этой ориентации различение гражданского и государственного/верноподданнического патриотизма как двух основных его трактовок кажется мне вполне практичным, а выбор теми или иными политическими силами одной из них — достаточно красноречивым. Надо только иметь в виду, что мирно-патриотическое дело — дело больше общественное, чем государственное.

⁷ НГ-Сценарии 24.10.2006: http://www.ng.ru/scenario/2006-10-24/11_dondurey.html.